

ФЕЙЕРАБЕНД: АПОЛОГИЯ НОНКОНФОРМИСТА

Тухватулина Лиана Анваровна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: spero-meliora@bk.ru

Данная статья является обзором избранных глав из книги “Interpreting Feyerabend: Critical Essays” (ed. by K. Bschirr & J. Shaw). Выбор материала обоснован двумя основными траекториями рецепции идей Фейерабенда в современной философии науки и эпистемологии: критикой подхода к самопрезентации науки и критикой научного модерна. Полемический тезис, сформулированный на материале обзора, состоит в том, что интерпретация Фейерабенда имеет апологетическую направленность. Его методологические воззрения интерпретируются авторами книги как созвучные ценностям научного реализма и научного прогресса. В анализе проекта науки в свободном обществе ими акцентируется его значимость для самой науки.

Ключевые слова: Фейерабенд, наука, научный реализм, экспертиза, наука в свободном обществе

FEYERABEND: AN APOLOGY FOR A NONCONFORMIST

Liana A. Tukhvatulina – PhD in Philosophy, Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: spero-meliora@bk.ru

This is a review of selected chapters from the book “Interpreting Feyerabend: Critical Essays” (ed. by K. Bschirr & J. Shaw). The choice of the papers for the review is justified by two main trajectories of the reception of Feyerabend’s ideas in the contemporary philosophy of science and epistemology: his criticism of the approach to the self-presentation of science and criticism of scientific modernity. The polemical thesis formulated on the basis of the review is that Feyerabend’s interpretation has an apologetic orientation. His methodological views are interpreted as consonant with the values of scientific realism and scientific progress. The analysis of his project for science in a free society emphasizes its significance for the interests of science itself.

Keywords: Feyerabend, science, scientific realism, expertise, science in a free society

Пол Фейерабенд остается, без преувеличения, одной из самых ярких и противоречивых фигур в философии XX в. О мере его влияния на современную повестку, с одной стороны, говорит то, что редкий курс истории и философии науки в университетах сегодня обходится без упоминания методологического анархизма, плюрализма, принципа пролиферации и «единственного суждения о науке, которое выдерживает проверку временем: “anything goes”». С другой стороны, провокативный характер его позиции не способствует вдумчивому прочтению работ, которое необходимо, чтобы определить место Фейерабенда не только в истории философии науки, но и в связи с ее актуальными проблемами. Пафос бунтарства и свободолюбия, особенно свойственный поздним его работам, не только стал препятствием для их содержательной оценки, но и закрепил за ним статус «врага науки» среди ученых. Сегодня это осложняет задачу добросовестным исследователям Фейерабенда, поскольку интерпретация здесь едва ли может быть свободной от оценки и зачастую вынужденно приобретает черты апологии¹. В этом отношении иллюстративен и сборник “Interpreting Feyerabend: Critical Essays” (2021) под редакцией Карима Бшира и Джейми Шоу, обзору которого и посвящена данная статья. В одиннадцати эссе этого сборника проясняется, с одной стороны, философско-методологическая позиция Фейерабенда (его отношение к реализму, плюрализму, научному прогрессу и т.д.), а с другой – исследуется мера созвучия идей Фейерабенда трендам в конкретных философских дисциплинах (от философии физики и философии сознания до исследований гражданской науки и экспертизы). Из-за ограничений в объеме я остановлюсь лишь на нескольких эссе, которые отражают две основные линии развития идей Фейерабенда в современной философии, согласно Иэну Кидду.

Траектории рецепции

Эссе Иэна Кидда “Feyerabend, Science and Scientism” дает обобщенную характеристику вклада Фейерабенда в философию науки. Кидд полагает, что рецепция наследия Фейерабенда определяется неравновесностью двух основных траекторий его исследований: критики самопонимания (self-understanding) науки и критики научного модерна (scientific modernity). Основным объектом первой критики был «методологический монизм: концепция науки как единого предприятия,

¹ В этом отношении показательна, например, статья Иэна Кидда [Kidd, 2016], где особенно одиозный для ученых тезис Фейерабенда в защиту астрологии интерпретируется как аргумент против несовместимости стандартов, которым следуют ученые в профессиональной и публичной деятельности, а также в защиту эпистемической целостности (integrity) науки.

эпистемическая эффективность и единство которой обусловлены использованием во всех ее дисциплинах и проектах единственного, формализованного набора четко определенных, исторически инвариантных, контекстно-независимых методологических норм» [Kidd, 2021, p. 178]. При этом методологический монизм, по Фейерабенду, не способствует адекватному самопониманию науки, поскольку он: 1) оторван от социологических и исторических исследований («реальные науки, которыми занимаются ученые, имеют мало общего с монолитным монстром под названием “наука”» [Farewell to Reason, 1987, p. 155]); 2) развивает догмы, которые не только не помогают, но и препятствуют научным исследованиям (например, идею научного метода); 3) мешает выстраиванию коммуникации между наукой и другими познавательными практиками, отводя науке место на вершине эпистемической иерархии. Кидд считает, что эти идеи Фейерабенда значительно повлияли на дальнейшие исторические и социологические «повороты» в исследованиях науки, развитие идеи плюрализма и разобщенности науки (*disunity of science*), продвигаемой Стэнфордской школой, дискуссии о ценностях в науке и проект социально ангажированной философии науки. В то же время Кидд полагает, что вторая линия «критики», связанная с научным модерном, оказалась гораздо менее плодотворной. «Реакционный романтизм» Фейерабенда, связанный с неприятием гегемонии научного миропонимания, унификацией и утратой простоты жизненного уклада, отразив интеллектуальные веяния конца 1970-х, остался артефактом эпохи и почти не отозвался во времени. Основные причины этого Кидд видит в том, что Фейерабенд не дал этим настроениям систематической разработки, не стремился соотносить их с идейно близкими параллельно развивавшимися программами (феминизмом, социальной эпистемологией, постколониальными исследованиями), не пытался укоренить в традиции (феноменологии или экзистенциализме). Интересно, что, по мнению Кидда, эти идеи могли бы звучать ярче, если бы Фейерабенд оказался привязан к континентальной критической теории, поскольку эпистемические ресурсы аналитической философии науки (традиции, в рамках которой работает большинство последователей Фейерабенда) мало пригодны для критики научного модерна. Формулируя общее заключение о месте Фейерабенда в современной философии науки, Кидд приходит к следующему выводу: «Разрушая ограничения позитивистского образа науки, Фейерабенд открыл пространство, которое позже было занято и освоено другими, что позволяет приписать ему большую роль в истории философии науки, но не в ее настоящем или будущем» [Kidd, 2021, p. 189]. И тем не менее современная философия науки по своему духу во многом остается «паразитально фейерабендианской».

Согласно этой оценке места Фейерабенда («в истории, но не в настоящем или будущем») одной из причин двойственного отношения

к его наследию является «неформатный» образ самого философа науки. Сегодня он предстает яркой и самобытной, но скорее одинокой фигурой на общем фоне. У него есть репутация интеллектуального провокатора и ниспровергателя авторитетов, чье имя известно за пределами философии, но именно эта «инаковость» и делает его столь неудобным, с одной стороны, для основания традиции (или научной школы), а с другой, для обоснования ценности его идей в контексте современной науки. В этой связи любопытно, что авторы эссе, посвященных прояснению эпистемической позиции Фейерабенда, стремятся показать, что его взгляды, несмотря на внешнюю провокативность, вполне конвенциональны и не противоречат ценностным основаниям и представлениям о развитии научного знания в современной науке.

Эпистемическая позиция Фейерабенда

В статье “The Coherence of Feyerabend’s Pluralist Realism” Хасок Чанг выступает в защиту приверженности Фейерабенда принципу реализма, адресуя критику Джону Престону (“Feyerabend’s Retreat from Realism”, 1997). Чанг убежден, что раннего Фейерабенда «скорее следует воспринимать как квазиреалиста», который полагал, что мы относимся к теориям так, как если бы (*as if*) они описывали реальность, не будучи при этом убежденными в том, что теориям это действительно удастся. В то же время у позднего Фейерабенда, по мнению Чанга, «нет никакого *as if*: реальность – это то, что описывают хорошие теории. Эта идея усиливает плюрализм Фейерабенда: то, что он защищает, это не разочаровывающая нас в итоге (*ultimately frustrating*) пролиферация *as if*-теорий, большинство из которых исчезнет без следа, но такая пролиферация, в которой каждая теория, каждый жизненный уклад (*way of life*) помогает создавать другую реальность, которая не будет отброшена после нахождения правильной» [Chang, 2021, p. 49]. Отсылая к статье Фейерабенда *Realism* (1994), Чанг показывает, что ее автор критиковал реализм лишь в форме монизма и абсолютизма, которого придерживаются сторонники научного реализма (как позиции о возможности единственно верного описания мира). Самому Фейерабенду, по мнению Чанга, близко аристотелевское понимание реализма, что, в частности, отражено во Введении к *Philosophical Papers* (1981): «Мы признаем реальными те вещи, что играют важную роль в предпочтительной для нас форме жизни». Распространенное прочтение идей позднего Фейерабенда в духе радикального конструктивизма (в том числе в упомянутой книге Престона) ошибочно, если конструктивизм противопоставляется реализму. «Во-первых, все, успешно сотворенное

(manufactured), становится реальным по завершении процесса творчества» [Chang, 2021, p. 53]. Во-вторых, мы не можем создавать реальность по своему произволу, «как и не можем объяснить в категориях свойств этого мира, почему те или иные теории оказываются успешными» [Realism and the Historicity of Knowledge, p. 145; цит. по: Chang, 2021, p. 53]. В целом непостижимость бытия, лежащего за пределами видимого мира (appearances), может быть компенсирована лишь изобилием (abundance) познавательного опыта.

В отношении к тезису о самоценности многообразия опыта любопытным оказывается вопрос о значении ложных теорий в развитии научного знания, которому посвящена статья Брэда Рэй (К. Brad Wray). Анализируя роль Тихо Браге в коперниканской революции, автор обосновывает тезис о том, что благодаря этой и другим альтернативам, которые вынуждены были оценивать приверженцы птолемеевской модели, переход к новой картине мира был гораздо более гибким, поскольку «эрозия научного консенсуса не требовала признания одной конкретной конкурирующей теории» [Wray, 2021, p. 84]. В то же время, «когда выбирать приходится только из двух теорий, переход обретает характер катаклизма, что может отвлечь многих от признания новой теории» [Ibid.]. При этом Рэй отмечает, что многие современные последователи Фейерабенда выступают в защиту теоретического плюрализма именно в связи с риском упустить истину среди проигнорированных альтернатив. В качестве примера Рэй анализирует аргументы Хасока Чанга в защиту плюрализма и показывает, что плюрализм Чанга, в отличие от плюрализма Фейерабенда, имеет прагматические основания. Для Чанга альтернативы ценны тем, что они «заставляют ученых хеджировать их ставки. И это уменьшает шансы упустить истину» [Ibid., p. 87]. Кроме того, Чанг считает, что, обнаружив ограниченность теории, мы не должны отбрасывать ее, потому что «выстроить рабочую систему не так-то просто, и ее нужно сохранять так долго, как это возможно» [Chang, 2012, p. 258; цит. по: Wray, 2021, p. 87]. Рэй отмечает, что с этими аргументами трудно спорить, но они отклоняются от линии Фейерабенда, позиция которого в отношении «вуду и астрологии четко показывает, что он хотел обратить внимание на ценность очевидно ложных теорий» [Ibid.]. Рэй разделяет позицию Элизабет Ллойд о том, что Фейерабенду близка идея Милля: ложные убеждения поддерживают жизнеспособность истинных, помогая людям понять, в силу каких причин они придерживаются своих убеждений.

Статья Акопа Барсеяна “Feierabend’s General Theory of Scientific Change” посвящена вопросу о том, почему Фейерабенд не создал целостной концепции развития науки. Автор статьи приходит к заключению, что у этого есть две причины: во-первых, он не ставил такой цели; во-вторых, он придерживался «партикуляристской аксиологии», считая, что аномалии интереснее общих паттернов развития. «В итоге

он (Фейерабэнд. – Л.Т.) пролил немало чернил, показывая, как теории *разрабатываются* (pursued) в нарушение существующих стандартов. В то же время лишь несколько его исторических примеров могут быть проинтерпретированы как иллюстрация изменений в *принятых* теориях и используемых подходах к оценке теорий» [Barsegyan, 2021, p. 68]. Барсегян также отмечает, что методологический анархизм Фейерабэнда не предполагает четкого различения принципов разработки и признания теорий, а сам автор склоняется к тому, что следует говорить об анархизме в контексте разработки теорий и зависимости признания теорий от установленных норм и правил сообщества. Для Барсегяна важно, что в таком виде позиция Фейерабэнда не противоречит рационализму Лакатоса, поскольку неприемлемый для Лакатоса тезис о том, что любая теория может быть признана, «будет несовместим с идеей самого Фейерабэнда о том, признание теории существенно зависит от локальных стандартов конкретного сообщества» [Ibid.].

Резюмируя эту часть обзора, выскажу предположение, что тезис Хасока Чанга о приверженности Фейерабэнда реализму, акцент, сделанный Брэдом Рэем, на продуктивности ложных теорий для поддержания интеллектуальной атмосферы, в которой разрабатываются более успешные теории, а также уточнение Акопа Барсегяна о совместимости позиций Фейерабэнда и Лакатоса имеют, помимо прочего, «апологетическую» функцию. Авторы словно стремятся убедить читателя (в первую очередь читателя от науки) в том, что закрепившийся за Фейерабэндом образ нонконформиста, разрушающего представления ученых о науке, не вполне отвечает его взглядам. В то же время более внимательное прочтение позволяет показать, что он вовсе не враг науки, а сторонник идей, которые считаются уважаемыми в консервативном в отношении к проблематике философии науки сообществе ученых. Стоит отметить, что этот аргументативный ход работает в духе самого Фейерабэнда: чтобы «троянский конь» попал в «башню из слоновой кости», он должен иметь привычный для ее обитателей внешний вид.

Фейерабэнд об экспертизе и гражданской науке

Во второй части обзора я рассмотрю две статьи сборника, которые отражают вторую линию рецепции идей Фейерабэнда, по Иэну Кидду, – а именно линию критики научного модерна.

В статье Мэттью Брауна “Against Expertise...” обсуждается проблема взаимодействия науки и общества в связи с тезисом Фейерабэнда о том, что в свободном обществе у научных экспертов не должно

быть особого эпистемического или социального авторитета, определяющего их доминирующую роль в принятии общественно значимых решений. Этот тезис был в явном виде сформулирован в «Науке в свободном обществе» и «Как защитить общество от науки» – работах, которые почти не встретили понимания у читающей публики и о которых, как пишет Браун, в конце жизни сожалел сам автор. Однако большая часть «Науки в свободном обществе» все же вошла во второе и третье издание «Против метода», а идеи о необходимости общественного контроля над экспертизой до сих пор вызывают немало споров. Браун показывает, что радикализм Фейерабенда здесь определяется не только его хорошо известной методологической позицией, но и политическими идеалами. Вовлечение обывателей в экспертизу как процесс разработки политических решений, по Фейерабенду, – условие, необходимое для зрелости (maturity) общества. Зрелость в данном случае понимается «не как интеллектуальная добродетель, а как чувствительность, которая может быть сформирована только благодаря взаимодействию с множеством различных точек зрения» [Science in a Free Society, 1978, p. 107, цит. по: Brown, 2021, p. 202]. В этой связи важен сдвиг в понимании функций экспертизы, который предлагает произвести Фейерабэнд: экспертиза – это не место, где легитимируется политическая субъектность ученых, а скорее сфера становления гражданского общества – едва ли не единственная, где в условиях представительской демократии граждане могут получить возможность напрямую участвовать в коллективных решениях и принимать за них ответственность с опорой на собственный разум (пусть и ценой просчетов и неэффективности). В рамках этого процесса граждане могут оценивать и валидировать результаты научной экспертизы, основываясь на собственных представлениях об их возможных социальных последствиях. Делегирование такой ответственной миссии обывателю хотя и может казаться неприемлемым ученым, имеет эпистемическое обоснование. Признавая ценностную нагруженность научного знания, необходимо признать и то, что «ценности, подходящие для формирования убеждений, и ценности, подходящие для совершения действий, различаются» [Mitchell, 2004, pp. 250–251; цит по: Brown, 2021, p. 193]. Отсюда, у науки как традиции нет никаких преимуществ, позволяющих ей обоснованно претендовать на монополию на формирование образа действий. В этих условиях наука сталкивается с ценностной дилеммой «автономии» и «авторитета», которую Браун формулирует как «эпистемический анархизм» vs «строгая подотчетность» (strong accountability). «Эпистемический анархизм отрицает наличие внешней по отношению к вашим собственным убеждениям или воспринятым утверждениям силы (authority), сверх того, на основании чего вы можете судить сами, используя обычные эпистемические нормы, данные вам в кантовском смысле» [Brown, 2021, p. 208]. «Строгая

подотчетность легитимирует научный авторитет ценой автономии» науки [Brown, 2021, p. 208], требуя при этом большей прозрачности научной практики и научной политики (при этом Браун отмечает, что не вполне понимает, как именно может быть реализована такая программа). Сам автор в финале статьи предварительно намечает срединный путь взаимодействия науки и общества, который может быть реализован с опорой на идеи Дж. Дьюи о демократии как коллективном исследовании (collective inquiry). Здесь признается необходимость экспертного мнения и авторитет ученых в экспертизе (в соответствии с принципом когнитивного разделения труда), однако этот авторитет не абсолютен, он подлежит критической оценке и обсуждению с учетом ситуативного контекста [Ibid., p. 211].

В то время как модель взаимодействия экспертов и общества, которую реконструирует Браун, является сугубо нормативной (по сути, остается на уровне благих пожеланий, формулируемых исследователями), коммуникация ученых и граждан реализуется на практике в рамках гражданской науки (об этом – статья Сары Ро “A Way Forward for Citizen Science” [Roe, 2021]). При этом, надо признать, и она носит весьма ограниченный и, если так можно выразиться, «витринный» характер. До сих пор это участие в основном сводится к сбору данных, которые подлежат последующей перепроверке учеными и в итоге далеко не всегда используются в научных исследованиях. В этом отношении тезисы Фейерабенда («исследование – это не привилегия особых групп, а (научное) знание – не универсальная мера человеческого совершенства (excellence)» [Farewell to Reason, 1987, pp. 27–28]; «граждане, ведомые, но не вытесняемые экспертами, могут подмечать недостатки науки» [Ibid., p. 57]; «знание, которое необходимо для понимания и развития наук, приходит не из теорий, а из участия (participation)» [Ibid., p. 284] и др.) становятся для исследователей гражданской науки подспорьем в обосновании расширения формата участия волонтеров в научных проектах. Сара Ро подробно обосновывает тезис о важности развития проекта гражданской науки как для общества, так и для самих ученых. Однако от себя добавлю, что отсылки к Фейерабенду служат здесь скорее идеологическим целям, но едва ли помогают в понимании того, как реализовать полномасштабный проект гражданской науки на практике. Еще более сложной задачей кажется нахождение такого способа ее организации, который предполагал бы не научную индоктринацию, а взаимодействие рациональностей как традиций (что в большей степени отвечает плюрализму Фейерабенда). По-видимому, причина этого затруднения – в слабой теоретической разработке институциональных механизмов науки в свободном обществе в работах самого Фейерабенда (как это подмечено Иэном Киддом).

Подводя итог, следует отметить, что эссе, посвященные науке в свободном обществе, в отличие от тех, что исследуют методологиче-

ские воззрения, вовсе не нуждаются в специальных теоретических подпорках для обоснования респектабельности идей Фейерабенда. Тезис о расширении гражданского участия в экспертизе и научных практиках, сформулированный поздним Фейерабендом, сегодня не требует особой легитимации в рамках «левой» повестки, развиваемой STS и социальной эпистемологией. Однако очевидная актуальность Фейерабенда здесь в первую очередь связана со схожестью пафоса его работ и исследований экспертизы, публикуемых в наше время. В то же время эвристический потенциал идей Фейерабенда для расширения экспертизы и реализации гражданской науки – не на уровне теоретических конструктов, а в качестве институциональных практик – все еще требует обоснования. Несомненно лишь то, что идеи Фейерабенда остаются открытыми для интерпретаций, а современные исследователи, следуя его собственному завету (anything goes), вольны по-новому расставлять акценты в борьбе со штампами, препятствующими свободе их собственных интеллектуальных поисков.

References

Barsegyan, 2021 – Barsegyan, H. “Feyerabend’s General Theory of Scientific Change,” in: Bschrir, K. & Shaw, J. *Interpreting Feyerabend: Critical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 57–71.

Brown, 2021 – Brown, M. “Against Expertise: A Lesson from Feyerabend’s ‘Science in a Free Society?’,” in: Bschrir, K. & Shaw, J. *Interpreting Feyerabend: Critical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 191–212.

Chang, 2012 – Chang, H. *Is Water H₂O? Evidence, Realism and Pluralism*. Dordrecht: Springer, 2012.

Chang, 2021 – Chang, H. “The Coherence of Feyerabend’s Pluralist Realism,” in: Bschrir, K. & Shaw, J. *Interpreting Feyerabend: Critical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 40–56.

Kidd, 2016 – Kidd, I.J. “Why Did Feyerabend Defend Astrology? Integrity, Virtue, and the Authority of Science,” *Social Epistemology*, 2016. DOI: 10.1080/02691728.2015.1031851.

Kidd, 2021 – Kidd, I.J. “Feyerabend, Science and Scientism,” in: Bschrir, K. & Shaw, J. *Interpreting Feyerabend: Critical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 172–190.

Mitchell, 2004 – Mitchell, S. “The Prescribed and Proscribed Values in Science Policy,” in: Machamer, P. and Wolters, G. (eds.). *Science, Values, and Objectivity*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2004, pp. 245–255.

Roe, 2021 – Roe, S. “A Way Forward for Citizen Science: Taking Advice from a Madman,” in: Bschrir, K. & Shaw, J. *Interpreting Feyerabend: Critical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 213–230.

Wray, 2021 – Wray, K.B. “Feyerabend’s Theoretical Pluralism: An Investigation of the Epistemic Value of False Theories,” in: Bschrir, K. & Shaw, J. *Interpreting Feyerabend: Critical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 72–88.

Памятка для авторов

- Автор гарантирует, что текст, представленный для публикации в журнале, не был опубликован ранее или сдан в другое издание. При использовании материалов статьи в последующих публикациях ссылка на журнал «Эпистемология и философия науки» обязательна.
- Автор берет на себя ответственность за точность цитирования, правильность библиографических описаний, транскрибирование имен и фамилий.
- Рукописи принимаются исключительно в электронном виде в формате MS Word (шрифт – Times New Roman; размер – 12; междустрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 0,9; выравнивание – по левому краю; поля – 2,5 см) на сайте журнала <https://journal.iphras.ru>
- Объем статьи – от 0,75 до 1,2 а.л. (включая ссылки, примечания, список литературы, аннотации). Объем аналитического обзора – 0,5 а.л.
- Примечания оформляются как постраничные сноски со сквозной нумерацией. Библиографические сведения, отсылающие к Списку литературы, даются в основном тексте и в примечаниях в квадратных скобках; например: [Сидоров, 1994, с. 25–26]. На все источники из цитируемой литературы должны быть ссылки в тексте статьи.
- Помимо основного текста статьи, рукопись должна включать в себя следующие **сведения на английском и русском языках**:
 - 1) Ф.И.О. автора; ученую степень и ученое звание; место работы; полный адрес места работы (включая страну, индекс, город); адрес электронной почты автора;
 - 2) название статьи;
 - 3) аннотацию (1500–2000 знаков);
 - 4) ключевые слова (до 10 слов и словосочетаний);
 - 5) список литературы.
- Рукописи на русском языке должны содержать два варианта списка литературы:
 1. «**Список литературы**», выполненный в соответствии с требованиями ГОСТа. В начале списка в алфавитном порядке указываются источники на русском языке.
 2. Список «**References**», составленный в соответствии с требованиями международных библиографических баз данных (Scopus и др.). Все библиографические ссылки на русскоязычные источники приводятся в латинском алфавите по следующей схеме:
 - автор (имена отечественных авторов – в транслитерации латиницей, имена зарубежных авторов – в оригинальном или англоязычном написании);
 - заглавие статьи (транслитерация);
 - [перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках];

-
- название русскоязычного источника (транслитерация);
 - [перевод названия источника на английский язык в квадратных скобках];
 - выходные данные на английском языке (включая общее количество страниц в источнике или номера страниц, на которых размещен текст в сборнике/журнале/монографии).
 - Для транслитерации необходимо использовать сайт <http://translit.net/> (формат BSI).
 - Подробные рекомендации по оформлению текстов содержатся на странице журнала: <https://journal.iphras.ru/forcontributors>
 - К рукописи также должна прилагаться фотография автора.
 - Рисунки и формулы должны быть продублированы в графическом режиме и записаны отдельным файлом. Тексты, содержащие специфические символы и неевропейские шрифты, должны быть продублированы в формате pdf.
 - Решение о публикации материала принимается членами редколлегии, главным редактором и рецензентами в течение полугода с момента поступления текста в редакцию.
 - Плата за публикацию материалов не взимается, гонорар авторам не выплачивается.
 - Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 315. Тел.: +7 (495) 697-95-76; e-mail: journal@iphras.ru; сайт: <https://journal.iphras.ru>

Научно-теоретический журнал
Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки
2024. Том 61. Номер 3

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-57113 от 3 марта 2014 г.

Главный редактор *И.Т. Касавин*
Зам. главного редактора: *И.А. Герасимова, П.С. Куслий*
Ответственный секретарь *Л.А. Тухватулина*

Художники: *Ч.Р. Кантов, С.Ю. Растегина*
Корректор *И.А. Мальцева*
Технический редактор *Е.А. Морозова*

Подписано в печать с оригинал-макета 04.09.024
Формат 60×100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура IPH Astra Serif
Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 15,9. Тираж 1 000 экз. Заказ № 16

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерная верстка: *Е.А. Морозова*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о журнале «Эпистемология и философия науки»
см. на сайте: <https://journal.iphras.ru>